

УДК 93/94
DOI 10.52452/19931778_2024_3_61

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЕКТА П.П. ШУВАЛОВА

© 2024 г.

Е.В. Спицина

Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики,
Санкт-Петербург

evgenia.spitsina@gmail.com

Поступила в редакцию 29.11.2023

Рассматривается история создания и особенности политической риторики одного из конституционных проектов, возникших в правительственной среде в начале 1880-х гг., – проекта П.П. Шувалова. Сравнительный анализ трех редакций проекта позволил проследить трансформацию текста, установить его идейное ядро, политические цели автора и особенности используемых им риторических приемов. Доказано, что программная часть всех трех версий проекта может быть характеризована как либерально-конституционная, а разница риторических средств обусловлена тональностью правительственного политического курса, находившегося в период создания разных версий проекта в стадии формирования. Главной причиной модификации первоначального текста являлась попытка П.П. Шувалова встроить свой проект в русло политики Александра III, повысив шансы на его согласование и дальнейшую реализацию программы либеральных реформ.

Ключевые слова: конституционный проект, конституционное движение в России, конституционализм, политическая риторика, Святая дружина, политическое движение начала 1880-х годов, народное представительство, парламентская монархия.

Говоря о настроениях в правительственных кругах после гибели Александра II и вступления на престол его наследника, Александра III, современники писали об общей атмосфере идеологической неопределенности. Император, оказавшийся у власти на самом пике политического кризиса, пребывал в постоянных колебаниях относительно будущего курса. Д.С. Арсеньев, близкий к императорской семье, вспоминал, что Александр III лично отнюдь не был ретроградом и искренне желал продолжения Великих реформ, однако сомневался в их своевременности на фоне революционного террора, полагая, что «конституционные и либеральные реформы, даруемые в минуту смуты... служат только к захвату власти и увеличению беспорядка» [1, л. 120 об. – 121].

Ряд «либеральных» назначений на правительственные посты, одобрение «конституции» М.Т. Лорис-Меликова [2, с. 189–194] и последовавшая почти сразу за этим подготовка К.П. Победоносцевым манифеста о неизбежности самодержавия с отставками либеральных бюрократов – колебания политического маятника интерпретировались окружением императора не иначе как его личная нерешительность и отсутствие политической стратегии. Подобная атмосфера становилась благодатной почвой для развернувшейся вокруг трона борьбы группировок за влияние на решения императора. Товарищ министра государственных имуществ

А.Н. Куломзин в своих записях характеризовал политическую ситуацию весны 1881 г. так: «Государь... не уверен ни в чем», «правительство... не показывает решимости», «разные тревожные слухи продолжают ходить», «совершенная неизвестность насчет того, какой политики по внутренним делам будет держаться его величество», «интриги в большом ходу», «одни подняли носы, другие нашептывают и наговаривают на тех, которым вчера кланялись. Какая-то вакханалия» и т. п. [3, л. 39 об. – 40, 115–116].

Опытные чиновники, искушенные в административных делах, понимали, что, как говорил П.А. Валуев, «государь самодержавен только по имени», практическая же механика государственного аппарата такова, что «державная воля» обладает реальностью скорее как символ порядка [4, с. 28–29], но каков будет этот порядок – это вопрос, решение которого не обходится без влияния кулуарных разговоров, неофициальных встреч и личных симпатий самодержца. Не случайно именно в это время в придворной среде создаются и распространяются многочисленные проекты переустройства, подаются доклады на высочайшее имя с размышлениями о будущем России, особенностях ее социально-политического устройства и обоснованием того или иного способа преодоления политического кризиса. Самым популярным сюжетом этих проектов, циркулировавших повсеместно в начале царствования Александра III, было, как

указывал А.Н. Куломзин, предложение «разных форм вызова лучших людей для помощи государю в устройстве внутренних дел» [3, л. 40 об.]. Одним из таких проектов был проект Павла Петровича Шувалова – лидера тайного общества «Святая дружина», возглавляемого ближайшим другом императора, министром государственного двора И.И. Воронцовым-Дашковым. Целью данного исследования является выяснение обстоятельств создания этого проекта, анализ его содержания и риторических средств, используемых П.П. Шуваловым с целью реализации предлагаемой им политической программы.

Идейно проект П.П. Шувалова был близок программе «Писем о современном состоянии России. 11-го апреля 1879 – 6-го апреля 1880» Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова и выражал чаяния той группы лиц, которая идентифицировала себя как «консерваторы-западники» [5, с. 651]. Проект П.П. Шувалова был изложен в записке под названием «О совещательном народопредставительстве» и интересен, помимо своего основного содержания, тем, что позволяет понять процесс создания такого рода документов.

Впервые записка привлекла внимание исследователей еще в начале XX в., когда в общественно-политической печати шли споры о том, что являла собой «Святая дружина», каковы ее связи с либеральным и революционным движением и кем же являлся в действительности П.П. Шувалов – мистификатором-охранителем или искренним конституционалистом [6, 7]. Тогда же, в 1913 г. с комментариями И.Д. Шишманова был впервые опубликован один из вариантов текста записки, на чем история изучения этого проекта и завершилась. Позже, уже в 1920-х гг., советские ученые обнаружили и опубликовали еще две, значительно отличающиеся друг от друга редакции записки [8], однако исследовательских задач, связанных с анализом этого документа, перед авторами не стояло, и они ограничились лишь выводом о том, что проект П.П. Шувалова, как и прочие конституционные проекты, вышедшие из правительственных и околоправительственных кругов, предлагал «суррогат народного представительства» с целью склонить на свою сторону либеральную общественность в борьбе с революционным движением [8, с. 118]. Современные исследователи особого внимания проекту П.П. Шувалова не уделяют и, хотя и признают последнего сторонником идеи введения бессловесного совещательного представительства, в целом склонны упоминать о существовании его записки лишь как об эпизоде деятельности общества «Святая дружина» [9, с. 32]. Проблемы

же сложной истории этого текста, того, с какой целью и на каких принципах он создавался и почему в течение двух лет постоянно трансформировался, в историографии не решены вплоть до сегодняшнего дня.

Ограничение интерпретации записки П.П. Шувалова исключительно контекстом проблематики «Святой дружины» является не вполне корректным. Первый вариант текста проекта был создан еще до возникновения этого общества, а в течение 1880–1882 гг. записка претерпела по меньшей мере три редакции, каждая из которых сильно отличалась от предшествующего варианта.

Черновик первых двух редакций записки, как предполагают исследователи, написан отцом Павла Петровича Шувалова – Петром Павловичем Шуваловым, бывшим на рубеже 1850-х – 1860-х гг. губернским предводителем петербургского дворянства. Еще в конце 1850-х гг. дворянское собрание под его руководством выступало за создание постоянно действующего выборного представительного учреждения и предлагало более мягкие условия освобождения крестьян, нежели те, на которых была осуществлена реформа 1861 г. [10; 8, с. 120], в связи с чем можно говорить об идеологической преемственности записок «дружинника» П.П. Шувалова общему руслу либеральных проектов периода крестьянской реформы.

Центральной идеей для всех трех редакций записки «О совещательном народопредставительстве» являлась мысль о необходимости реформирования аппарата власти путем привлечения к управлению государством представителей земли на основе всеобщих выборов по земскому принципу. Три варианта записки П.П. Шувалова отличались структурой, отдельными комбинациями риторических оборотов, появлением и затуханием тех или иных сюжетов, однако сохранили ключевую мысль и общую направленность, единый логический принцип. А именно – все многочисленные объяснения, с помощью которых автор записки пытался донести до императора мысль о необходимости реформы, в конечном счете могли быть редуцированы до главной идеи о том, что для сохранения самодержавия оно, самодержавие, фактически должно перестать существовать. Не случайно весной 1881 г. слух, что П.П. Шувалов возглавил деятельность «Святой дружины», вызвал шквал обвинений со стороны авторитетных консерваторов в том, что готовится едва ли не дворцовый переворот и что приближенная к императору группа лиц не менее опасна, чем революционеры, пользуясь доверием царя, стремится ограничить его власть кон-

ституционными «кондициями» [11, л. 2–3, 8 об. – 9 об.; 12, с. 394–396; 13, с. 184; 14, с. 101].

Первая редакция проекта была создана незадолго до марта 1881 г. в контексте негласно начавшихся вокруг престола осторожных исканий и размышлений о способах преодоления кризиса, с которым власть столкнулась на рубеже 1870-х – 1880-х гг. Волна революционного террора, критика со стороны либеральной прессы, требования уплаты «политического векселя», которые власть услышала в ответ на призыв к общественному сплочению для борьбы с крамолой, стали импульсом к возобновлению дискуссии о дальнейшей судьбе великих реформ. Так, один из лидеров и вдохновителей этой группы «консерваторов-западников» Р.А. Фадеев прямо говорил, что еще с конца 1870-х гг. неофициально получил высочайшее разрешение подавать императору записки с критикой правительственного курса, чем и пользовался, высказываясь по вопросам, гласное обсуждение которых было запрещено [15, л. 1]. Записка П.П. Шувалова «О совещательном народопредставительстве» имела ту же цель, что и доклады Р.А. Фадеева, – показать императору невозможность добиться общественного умиротворения без политических уступок и предложить иную стратегию и иные, спасительные, – в случае если он согласится прислушаться, – перспективы.

Сравнительный анализ трех редакций записки позволяет говорить о том, что главным общим риторическим мотивом всех трех вариантов текста был именно мотив спасения самодержавия. И если в первой, домартовской, записке он считывается скорее как предпосылка рассуждений автора и уступает место историко-социальным спекуляциям на тему необходимости прогрессивной трансформации монархии, то во второй и третьей редакциях, созданных после 1 марта 1881 г., мысль о том, что самодержавие находится на краю гибели и нуждается в спасении, на тот или иной лад повторяется почти в каждом разделе записки.

Так, в первой редакции записки П.П. Шувалов указывал в качестве исходного пункта, что создание народного представительства является логическим следствием всего пореформенного развития страны и неизбежно, поскольку исторически Россия принадлежит к «семье европейских государств» и в политическом отношении не может «оставаться исключением». В связи с этим автору представлялся более актуальным вопрос даже не о судьбе будущей политической реформы, а об имидже самодержавия в процессе его реформирования. Он прямо указывал, что дискуссия о политических учреждениях, о том,

будет ли представительство совещательным или законодательным, – есть вопрос «внешний» или «формальный». При всей той массовой народной поддержке, на которую опирается самодержавие, важен сам факт создания представительного учреждения. Инициатива же императора к реформе, то есть к фактическому институциональному ограничению собственной власти, откроет потенциал для еще большего роста личного авторитета государя и парадоксальным образом станет триумфом самодержавия, поскольку будет жестом великодушия и продемонстрирует подлинную полноту единоличной воли монарха [8, с. 121–130].

При этом автор допускал обилие критических реплик в адрес правительства, подчеркивая, что именно правительство стало источником раскола между обществом и верховной властью. П.П. Шувалов писал: «Весь правительственный строй... остается предметом общего нерасположения» [8, с. 127], – стало быть, в нем и заключается подлинная угроза самодержавию, которую должна устранить реформа, убрав заслон между императором и обществом.

Ни вторая, ни третья записки, созданные после гибели Александра II, подобных размышлений об общей с европейскими державами политической судьбе России уже не содержат. Более того, понимая весомость аргумента о недопустимости слепого повторения чужеродных форм и значимость в глазах Александра III национальной идеи, в третьем варианте текста автор особо подчеркивал, что предлагаемый им проект двухпалатного представительства является «не подражательной ложью», «внушенной политической историей Запада», а «родной самобытной “конституцией”», «признающей царя царем» [7, с. 152–154].

В послемартовских текстах все большее внимание уделяется анализу общественно-политической ситуации, нравственного состояния общества и констатации несостоятельности полицейских и административных мер в борьбе с социальной болезнью [8, с. 132; 7, с. 143]. Вторая редакция записки вообще отличается самой большой реформаторской сдержанностью. Так, в первой и третьей редакциях в качестве способа единения власти и общества предлагалось создание двухпалатного, по аналогии с западноевропейскими парламентами через привлечение представителей земских собраний. Во второй же редакции, созданной весной 1881 г., ввиду очевидной неуместности подобного предложения автор ограничился лишь рассуждением о пользе введения в состав Государственного совета выборных членов от земли [8, с. 137–138].

Во всех трех записках обращает на себя внимание, что, обращаясь к императору с критикой правительственного курса, автор текста отделяет персону самодержца от общей структуры административного аппарата. По отношению к правительству в обществе царит «дух критики и неудовольствия», при том, что самодержец, с его слов, продолжает восприниматься народным сознанием как единственный источник власти, преданность которому является «коренным народным чувством» [8, с. 126–127; 7, с. 148–149].

Такая дихотомия, свойственная всем трем запискам, по всей видимости, самим автором не осознавалась, что по мере развития текста порождало еще больше противоречий. Стремясь, с одной стороны, уверить императора в искренности своих охранительных чувств и беспокойстве исключительно о сохранении целостности самодержавия, П.П. Шувалов не смог избежать ремарок, которые шли вразрез этим уверениям. При всем «декоруме почтительности» уже первый, отнюдь не самый радикальный вариант текста, он завершил словами о том, что общественное успокоение власть должна воспринимать не иначе как «нравственный кредит», который обязывает ее удовлетворить реформаторские надежды образованной части общества. Во второй редакции слова о «крови царя-мученика», укрепившей «навсегда союз государя со всеми членами русской семьи», соседствуют со сдержанным, но содержательно критическим пассажем о том, что «для исполнения своего священного назначения» император не может более опираться на «должностную иерархию» и должен обратиться к «общественным силам» [8, с. 131, 133]. Третий вариант, поданный на имя императора в мае 1882 г., и вовсе содержал параллельно с уверениями в благонадежности намерений весьма резкие высказывания. Политическая полиция именовалась «инквизицией», спекуляции на национальном чувстве – опасными «шутками с многомиллионным русским народом», которыми «никого обмануть не удастся», прямо указывалось на пользу для государства «развития конституционного начала... по крайней мере в существенных его чертах», а также «неограниченной гласности и привольно проявляющегося общественного мнения» [7, с. 148, 152, 153, 165].

Сравнивая самый сдержанный, второй, и самый радикальный, третий, варианты записки, поданные П.П. Шуваловым на имя Александра III в мае 1881 г. и в мае 1882 г. соответственно, можно говорить о том, что столь сильная трансформация текста происходила явно с оглядкой на политическую ситуацию и расстановку сил при дворе. В мае 1881 г., когда впе-

чатления от события 1 марта были свежи и играли определяющую роль в общей политической атмосфере, принятым к рассмотрению мог быть только текст, исполненный охранительными чувствами или, во всяком случае, демонстрацией таковых. В мае же 1882 г., когда позиции лидеров «Дружины» при дворе были чрезвычайно высоки, руководитель организации И.И. Воронцов-Дашков пользовался личным доверием императора, а «Дружина» получила неограниченное финансирование и почти неограниченные полномочия [16, л. 29 об. – 30; 17, л. 8; 12, с. 394–396], П.П. Шувалов уже был готов пойти на откровенную политическую дерзость, подав на имя Александра III радикальный проект преобразований.

Таким образом, понимание совокупности обстоятельств, таких как стремительно менявшаяся в течение 1880–1882 гг. общественно-политическая ситуация, личность и симпатии императора, к прочтению которого готовилась записка, персональный вес и место автора проекта в императорском окружении, – становится ключом и к пониманию эволюции текста проекта. Анализируя столь сильную трансформацию его риторики на протяжении двух лет, можно говорить о том, что принципом, по которому была составлена записка П.П. Шувалова и в соответствии с которым создавались подобные проекты, адресованные верховной власти, являлся изощренный и готовый к внешней гибкости политический оппортунизм. Торжественно-трагические обороты речи, исполненные охранительного пафоса, в данном случае не должны вводить в заблуждение, поскольку после 1 марта 1881 г. они лишь создавали ту форму и тот тон, которые повышали шансы на успех в борьбе за влияние на ум императора. Упомянутый идеолог «консерваторов-западников» Р.А. Фадеев в личной переписке, комментируя политическую стратегию таких высокопоставленных «оппозиционеров», каким был он сам и каким являлся П.П. Шувалов, писал: «слишком понятно, что министр двора не может печатать программы государственного переустройства, не получившей окончательного соизволения свыше» [18, л. 6]. То есть конечной целью проекта, которой подчинялись все использованные автором вербальные и невербальные средства и ухищрения, было убедить императора в обоснованности и справедливости предлагаемых преобразований, заполучить его согласие. Об этом же Р.А. Фадеев говорил и в письме своему племяннику С.Ю. Витте, когда подчеркивал, что «сокрушающее впечатление» от события 1 марта может быть даже полезно в политическом смысле, что же касается собственно трагиче-

ской гибели императора – вероятно, «там выше, где управляют участью земною, лучше знают что и для чего делается», ибо продление курса на дальнейшее сворачивание реформ губительно и невозможно [19, л. 1 – 1 об.].

Несмотря на уверения в верноподданнических чувствах, смысловое ядро всех трех вариантов записки П.П. Шувалова, каким бы правам она ни подвергалась, противоречило их декоративно-риторической составляющей, что не осталось незамеченным. И если второй проект Александр III просто пометил словами «великая чепуха русского аристократа» [20, с. 384], то авантюра третьей записки имела более серьезные последствия – в течение нескольких месяцев придворная карьера П.П. Шувалова рухнула без надежд на восстановление.

Сложная судьба этого проекта, как и судьба его автора, иллюстративна для понимания политической истории Российской империи начала 1880-х гг. Проект создания двухпалатного парламента, предложенный запиской «О совещательном народопредставительстве», органически связан с идеями либерально-конституционного движения периода великих реформ и демонстрирует рост и распространение этих идей в околоправительственной среде, формирование к началу 1880-х гг. так называемой «оппозиции его величества», являющейся частью административного аппарата и стремящейся к политической реформе. Сам факт возникновения данного проекта, как и все его трансформации, свидетельствовал не только о наличии политических амбиций лично у П.П. Шувалова, лидеров «Святой дружины» или в широком смысле у группы высокопоставленных оппозиционеров, но о том, что вокруг престола активно шел процесс переосмысления самой концепции единоличной верховной власти, сопровождавшийся развенчанием идеи о персоне императора как о единственном источнике политических решений.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 839. Оп. 1. Д. 19.
2. [Перетц Е.А.] Из дневника одного государственного деятеля. Заседание Государственного совета 8 марта 1881 года // Былое. 1906. № 1. С. 189–194.
3. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189.
4. Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
5. Лемке М.К. Святая Дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамоллой. 1881–1882 годы. СПб.: Лики России, 2012. 926 с.
6. Богучарский В.Я. Конституционный проект графа П.П. Шувалова // Современник. 1913. № 3. С. 251–267.
7. Шишманов И.Д. Конституционная записка графа П.П. Шувалова // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 136–166.
8. Конституционные проекты начала 80-х гг. XIX века // Красный архив. 1928. Т. 6. С. 118–143.
9. Лукоянов И.Д. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX вв.). Пособие к лекционному курсу. СПб.: Нестор-История, 2003. 80 с.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 876. Оп. 1. Д. 1.
11. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1199.
12. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Центрархив. М.: Новая Москва, 1926. Т. 1. 448 с.
13. Мещерский В.П. Дневник. 1881 г. Март. Апрель, май, июнь. СПб.: Общественная польза, 1881. 728 с.
14. Суворин А.С. Дневник А.С. Суворина. М.; Лондон: Независимая газета «The Garnett press», 2000. 666 с.
15. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 147.
16. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574.
18. Институт русской литературы Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 4. Д. 639.
19. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 389.
20. Дронов И.Е. Сильный, державный... Жизнь и царствование императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. 759 с.

ON THE SPECIFICS OF THE CONSTITUTIONAL PROJECTS POLITICAL RHETORIC IN THE EARLY 1880s (CONSIDERING THE P. P. SHUVALOV'S PROJECT CASE)

E.V. Spitsina

The paper discusses the issue of the constitutional project created in the early 1880s in the government-related social surroundings and studies the specifics of its political rhetoric changing through all the three versions of P. P. Shuvalov's project. A comparative analysis of all the project's edition revealed the key message of the project and its permanent transformation for several years. Every edition of the project was significantly different from the others in its writing style, political motives, and structure, but maintain the main rhetorical principle.

Keywords: constitutional project, constitutional movement in Russia, constitutionalism, political rhetoric, Holy Brotherhood, political movement in early 1880s, popular representation, parliamentary monarchy.

References

1. The Russian State Historical Archive (RSHA). Coll. 839. Aids 1. Fol. 19.
2. [Peretz E.A.] From the diary of a statesman. The meeting of the State Council on March 8, 1881 // Former. 1906. № 1. P. 189–194.
3. RSHA. Coll. 1642. Aids 1. Fol. 189.

4. Solovyov K.A. The owner of the Russian land? The autocracy and bureaucracy in the Modern era. M.: New Literary Review, 2017. 296 p.
5. Lemke M.K. The Holy Brotherhood of Alexander III. A secret anti-sedition society. The years 1881–1882. St. Petersburg: Faces of Russia, 2012. 926 p.
6. Bogucharsky V.Ya. The constitutional draft of Count P.P. Shuvalov // *A contemporary*. 1913. № 3. P. 251–267.
7. Shishmanov I.D. Constitutional note by Count P.P. Shuvalov // *Bulletin of Europe*. 1913. № 8. P. 136–166.
8. Constitutional drafts of the early 80s of the XIX century // *Krasny archiv*. 1928. V. 6. P. 118–143.
9. Lukoyanov I.D. Russian Conservatives (late XVIII – early XX centuries). Handbook for the lecture course. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003. 80 p.
10. Department of Manuscripts of the Russian National Library (DM RNL). Coll. 876. Aids 1. Fol. 1.
11. DM RNL. Coll. 1000. Aids 2. Fol. 1199.
12. Letters of K.P. Pobedonostsev to Alexander III. Central Archive. M.: New Moscow, 1926. Vol. 1. 448 p.
13. Meshchersky V.P. Diary. March 1881. April, May, June. St. Petersburg: Public benefit, 1881. 728 p.
14. Suvorin A.S. The diary of A.S. Suvorin. M.; London: The independent newspaper «The Garnett press», 2000. 666 p.
15. RSHA. Coll. 866. Aids 1. Fol. 147.
16. RSHA. Coll. 919. Aids 2. Fol. 227.
17. State Archive of the Russian Federation. Coll. 102. Aids 77. Fol. 1574.
18. Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. Coll. 3. Aids 4. Fol. 639.
19. RSHA. Coll. 1622. Aids 1. Fol. 389.
20. Dronov I.E. Strong, sovereign... The life and reign of Emperor Alexander III. M.: Russian Publishing Center, 2012. 759 p.